

Диана Удовиченко

ТЕМНЬЕ ИСКРЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
УЗ1

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Удовиченко, Диана Донатовна

УЗ1 Темные искры: роман / Диана Удовиченко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Другие миры).

ISBN 978-5-17-166586-9

Самые кровавые маньяки в истории человечества — Тэд Банди, Генри Холмс, Мария Фикачкова и другие люди-чудовища — оживают на этих страницах. Почему они вместе? Что способны сотворить? И при чем здесь европейские народные сказки? Прочтите книгу и узнаете. Страшно? Жутко? Зато не скучно!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-166586-9

© Диана Удовиченко, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Он стоял над беспомощно распростертым телом, с радостью охотника разглядывая добычу, которую так долго искал, выслеживал и, наконец, поймал. У женщины были светлые льняные волосы, серые, как предзимнее северное небо, глаза, нежная кожа и пухлые яркие губы, которые сейчас кривились в гримасе бессильной ненависти. Он осторожно, почти с нежностью коснулся этих губ кончиками пальцев. В ответ женщина оскалилась и клацнула крепкими белыми зубами, пытаясь укусить.

Он рассмеялся, его забавляло и даже умиляло такое яростное стремление к жизни, сопротивление до последнего вдоха.

— Красивая... Ты молодец. Плохая, злая девочка. Такая мне и нужна.

Женщина плюнула в него, разразилась хриплой бранью и проклятиями.

Он оборвал смех, взглянул в небо, с которого лился жемчужный свет полной луны.

— Пора.

Острый охотничий нож плавно прошел над сильной длинной шеей, не задев бешено

бьющейся голубой жилки. Ласково, даже чувственно коснулся острием трогательной ямки между ключиц. Потом стремительно, одним движением вспорол сверху донизу скромное темное платье.

Он замер, любуясь полной округлой грудью, узкой талией, крутыми бедрами, треугольником русых волос и стройными ногами. Тело, созданное для любви, страсти, зачатия и рождения детей — таких же красивых, живучих и смелых, как мать.

Женщина закричала. В ее вопле звучали отчаяние и безысходность.

— Никто не придет, — спокойно сказал он, и крик перешел в сдавленное рыдание.

— Не плачь, — он позволил себе один раз провести ладонью по обнаженному телу, ощущая, как тонкая белая кожа покрывается пупырышками животного страха. — Не плачь. Ты сама виновата. Ты сама избрала себе такую судьбу. Ты принесла много бед, плохая, злая девочка. Но ничего: у нас еще будут дети...

— Безумец, мерзкий безумец, — прошипела женщина. — Будь проклят!

Это были ее последние слова. Тело вспыхнуло мгновенно, будто сотворенное из сухой древесины. Волосы закрутились вокруг головы оранжевым ореолом, пламя лизнуло лицо, стирая тонкие черты, и жадно обняло женщину.

Он отошел, ожидая конца. Вскоре болезненный вой оборвался на полувздохе, огонь, поплясав еще немного, унялся и погас так же мгновенно, как и вспыхнул, оставив черный, похожий на головешку, труп. Тогда он приблизился, занес топор. Мясницки хэкнув, одним

ударом разрубил ребра, схватился за края, развел быстрым движением. Запустил руку в горячее, как печь, нутро и вырвал сердце — полусгоревшее, полусырое. Улыбнулся, вонзил зубы в истекающую соком плоть, с жадностью отрывал и проглатывал большие куски. Насытившись, долго сидел рядом с тем, что осталось от женщины. Внимательно прислушивался к тому, как чужие злые соки проникают в его кровь, бродят, наполняя силой и новой жизнью.

Потом легко поднялся, бросил последний взгляд на останки жертвы, повернулся и стал неторопливо спускаться с обрыва в черную, холодную пасть низины. Длинный плащ крыльями развевался за спиной, делая его похожим на огромную летучую мышь.

Позади медленно истаивало то, что осталось от тела прекрасной женщины, смешивалось с туманом и возносилось к жемчужному небу.

Глава 1

Степан, неспешно шагая по улице, с интересом разглядывает идущую впереди девушку. Волосы шикарные — светлые, густые, волнистые, падают на плечи густой копной. Девушка высокая, изящная, а еще у нее красивая задница, в меру выпуклая, аккуратная, туго обтянутая синими джинсами. Высоким длинноногим девушкам идут джинсы... Интересно, какое у нее лицо?

Он с удивлением ловит себя на том, что слишком долго размышляет о девчонке. Потом до Степана доходит: она похожа на Марину, поэтому и привлекла внимание. Похожа?.. Руку бы отдал на отсечение, что это Марина, если бы не незнакомая одежда.

С другой стороны, откуда ему знать, что у Маринки в гардеробе? Да может, она вчера новых шмоток прикупила?

«Стоп. Это невозможно», — одергивает он сам себя.

Или... Возможно?

Какое-то время Степан продолжает гипнотизировать спину ногоистой блондинки, опасаясь упустить ее из виду на людной улице.

Девушка прибавляет шагу, он тоже. Так они идут минут десять, потом Степан негромко окликает:

— Марин!

Никакой реакции.

— Марина! — Он зовет громче.

Оборачиваются сразу двое: пухлая дама в годах и почему-то молодой китаец. Но блондинка продолжает идти, не откликаясь на зов.

Ошибся? А вдруг нет? Степан еще ускорится, чтобы обогнать светловолосую и заглянуть в лицо.

Вдруг девушка оборачивается, смотрит прямо на него и одаряет кокетливой улыбкой.

— Марина?!

От неожиданности Степан резко останавливается, на него тут же натывается шедший сзади парень, наступает на пятку, беззлобно матерится, обходя.

Блондинка отворачивается, задорно встряхивает волосами и направляется к лимонного цвета двухэтажному зданию по правую сторону улицы. За нею остается легкий шлейф тонкого аромата, напоминающего о Новом годе: хвоя и апельсин, что-то такое. Степан втягивает воздух ноздрями: Маринкины постоянные духи.

На второй этаж ведет металлическая лестница, девушка быстро поднимается, звонко стуча каблучками. Отпирает ключом стеклянную дверь, вывеска над которой гласит: «Тату-салон Роза Марена». Хозяин явно поклонник Кинга. Марина переворачивает табличку на внутренней стороне — с «Закррито» на «Открыто», и скрывается в глубине помещения.

Степан подбегает к лестнице, но замедляет шаг. Он сам не понимает, что происходит. Здесь, на тихом, залитом солнцем, пешеходном Новом Арбате, вдруг охватывает ощущение ирреальности и приближающейся беды. Оно поднимается из глубины желудка, напоминая о себе кислым привкусом во рту. Пронизывает тело миллионами иголочек, горит на коже. Заставляет встать дыбом волоски на руках, касается ледяными пальцами затылка. И гонит по венам адреналин.

Степан трясет головой, внутренне отмахивается от предупреждения: «Что за бред? Возомнил себя экстрасенсом? Это все от недосыпа». На мгновение зажмуривается, потом открывает глаза. Привычная мирная картина. Маленькие уютные кафе переполнены посетителями — выходной день, центр города. Из них несутся ароматы свежесваренного кофе, ванили и сдобы. Такие же маленькие, уютные частные магазинчики торгуют всякими интересными штуками: картинами, авторскими сувенирами, секс-игрушками. Маленькие, уютные студии предлагают услуги тату-мастеров, пошива одежды и обуви.

По Новому Арбату идут веселые, нарядные люди — на Набережную: улица спускается прямо к морю. Журчит, искрится на солнце вода в фонтанчиках...

Белокурая девочка лет пяти в розовом платье дергает отца за руку и тянет на одной ноте: «Купи шарик, купи шарик, купи...» Прыщавый подросток с худенькой девушкой того же возраста, взявшись за руки, катят на роликах. На тротуаре устанавливает колонки какая-то рок-группа: здесь иногда выступа-

ют начинающие музыканты. Стриженная под мальчика, выкрашенная в зеленый цвет вокалистка в мешкообразном коротком платье и армейских ботинках нервно крутит в руке микрофон. В ее губе посверкивает серебряное кольцо.

Старый бомж на скамейке задумчиво рассматривает хромого голубя, такого же старого, облезлого и одинокого. Птица неловко ковыляет по брусчатке, останавливается напротив деда и отвечает ему внимательным взглядом — кажется, они ведут молчаливый диалог.

Ощущение ирреальности не проходит. Воздух вокруг бомжа сгущается, волнуется, покрывается пузырьками — так бывает, когда в жару едешь на машине по раскаленному шоссе, и кажется, что впереди пространство чуть искажено. Бомж вдруг поднимает голову, подмигивает Степану, улыбается беззубым ртом. У него тусклые бесцветные глаза со скопившейся в уголках слезью, впалые щеки, жидкая борода, седина в которой не серебристая, а неопрятно-желтая.

Он что-то упустил. Эта мысль внезапно появляется в голове, сверлит мозг, не дает покоя. Что? Деталь. Марина шла впереди. Оглянулась. Поднялась по лестнице. Дверь. Табличка. Что-то его насторожило, отсюда тревога. Что? Вспоминай, время выходит. Бомж кивает, будто подтверждая: да, торопись.

Степан не сводит со старика глаз, чувствуя себя беспомощным, как хромым голубь. Сцепляет пальцы в замок, хрустит суставами — он всегда так делает, когда волнуется. Дурацкая привычка, очень раздражает мать... Табличка. На мгновение Степан вдруг

теряет способность двигаться, оглушенный: вот оно. Вот...

«Интересно, там есть картина с развалинами храма и женщиной в пурпурной тоге?» — эта идиотская мысль становится последней, потом сознание отключается, и тело действует само, будто на автопилоте. Степан бросается вверх по металлической лестнице, которая испуганно гудит под его ногами.

Толкает дверь, входит в мастерскую. Мать, увидев его искаженное лицо, отшатывается в испуге. Степан идет к девушке, и комната, площадью не больше двадцати квадратов, кажется ему бесконечной..

Взрыв оглушает прохожих. Сияя под лучами солнца, красиво разлетаются мелкие осколки стекла, покрывают брусчатку бриллиантовой крошкой. Голубь неуклюже взлетает, хлопая крыльями. В глазах старика отражается пламя.

Кричит маленькая девочка в розовом платье. Ей вторят такие же испуганные крики людей. Кто-то звонит в службу спасения, кто-то снимает пожар на мобильник. Бомж поднимается и, ссутулившись, неторопливо уходит в сторону моря.

Внутри огонь оплавляет пластиковую отделку на стенах и потолке, она стекает уродливыми арабесками, капает сверху раскаленным дождем. Пламя у двери бушует уже в полную силу, превращается в ревущую стену.

Пожарные, войдя в студию спустя десять минут, не находят никого.

Глава 2

Девчонка — черноволосая, белокожая, очень хорошенькая. Только вот стоит по колено в снегу, и кроме легкого платья с роскошным декольте на ней ничего нет. Пышная, как у принцессы на картинке из книжки, юбка живописно стелется по снегу, голубой шелк морозно-празднично переливается на белом. Смотрит странно: синие глаза широко раскрыты от ужаса, пухлые яркие губы плаксиво дрожат. К тому же руки заведены за спину и явно связаны, это заметно по тому, как оттянуты назад плечи.

Степан опускает взгляд и обнаруживает: он держит арбалет, целясь прямо в грудь бронежке. Поспешно опускает оружие, не понимая, что происходит и где он вообще. Осознав, что стрелять в нее не будут, девушка наклоняет голову, смотрит на Степана исподлобья, будто размышляя: заплакать во весь голос или нет. Между тем он совершает новое открытие, выяснив, что сидит на здоровенном вороном коне. Может, конь не так уж и велик, но человеку, который ездил верхом только один раз, и то в детстве, кажется именно так.

Неуклюже спрыгнув со зверюги, Степан нащупывает за поясом нож — еще один сюрприз — и шагает к брюнетке с твердым намерением ее освободить. Все еще пребывая в потрясении, не произносит при этом ни слова.

Девушка громко визжит, видимо, решив, что теперь ее собираются не застрелить, а прирезать. Хочет пнуть предполагаемого убийцу, но, запутавшись в длинном платье, падает носом в снег. Степан сначала перерезает веревки, стягивающие ее запястья, потом осторожно ставит брюнетку на ноги. Собирается скинуть теплый плащ и укрыть несчастную, белая кожа которой от холода быстро приобретает синюшный оттенок. Но девчонка вдруг задирает юбки, с отчаянным воплем пинает его в колено, разворачивается и бежит прочь так резво, что пятки сверкают.

Он шел по Новому Арбату, потом... Огонь — и больше ничего. Что происходит? Где он вообще? Уснул? Потерял сознание? Впал в кому? На всякий случай ущипнув себя за руку, морщится. Больно. Но окружающий мир не меняется. Степан трясет головой и пытается вспомнить, что происходило до всего этого безобразия. Но все равно сознание выдает картину пламени, потом — пустоту.

Ладно, решает он. Сон это или не сон, в любом случае надо выбираться отсюда. И для начала найти девушку. Во-первых, может, она объяснит, что тут происходит. Во-вторых, жалко: замерзнет же, дура, в своем легком платье. Степан осматривается: он стоит посреди большой поляны, вокруг густой черной лес — туда, за деревья, и убежала брюнетка. А может, здесь волки водятся... Будто под-

тверждая его мысли, из-за деревьев доносится далекий тоскливый вой, от которого по спине бежит неприятный холодок.

Степан неловко вскарабкивается на коня, морщась от боли в колене. На какое-то мгновение ему хочется позволить девушке замерзнуть. Но других кандидатур для общения все равно не имеется, поэтому Степан отправляется по следам мятежной брюнетки.

Лес вокруг страшноватый: густой, сумрачный, заснеженный. Холодные лучи заходящего зимнего солнца путаются в голых кронах деревьев, ветви которых отбрасывают на снег голубоватые тени. Волчий вой приближается, в нем звучит извечный голод дикого зверя. Степан изучает оружие, размышляя, сможет ли отбиться, если волки нападут. «Ты с ума сошел? — мысленно говорит он сам себе. — Какие к хренам волки, какой лес? Это сон, очнись уже!» Но незнакомый голос где-то в подсознании твердо возражает: нет, не сон. Ощущение нереальности, с одной стороны, мешает, с другой — вселяет уверенность. Раз это сон, значит, можно всё. Степан справится с волками, медведями-шатунами, да хоть с чертом лысым. Есть арбалет, сумка с болтами, нож, а на поясе — короткий меч в ножнах. Еще заплечный мешок, вроде грубо сделанного рюкзака, но там всякая бытовая мелочь.

Оружия много, однако он с удовольствием променяет эту средневековую экзотику на один дробовик. Степан какое-то время пытается представить себе ружье, хорошее такое, охотничье. Раз это сон, пусть оно появится. А лучше — вездеход какой-нибудь или БТР...